

**г. Таганрог,
Ростовская обл.****Бумажные цветы
в камине**

Как обычно, мы не обсуждали, как и где провести вечер пятницы. Вот и на этот раз не сговариваясь собрались в гостиной Маргарет и, образовав нетесный полукруг по центру комнаты, сидели в уютных отсветах огня настоящего старинного камина. Со сводчатого потолка свисали зелёные веточки омелы с бутонами, готовыми распуститься над... В общем-то, каждый из нас ждал наступления Рождества не без надежды на какое-нибудь, хотя бы маленькое, чудо.

Сегодня высокие окна были задрапированы плотными, тёмно-бирюзового цвета шторами, ниспадающими до пола, на стёклах красовались грациозные бумажные олени в серебристых блёстках, диван и кресла были покрыты пушистыми, почти белыми покрывалами, а торец камина украшали венки из живой хвои, сочащиеся ароматной смолой.

Время от времени по дороге проезжал редкий автомобиль, подсвечивая заснеженные деревья за окном, и тогда уличный зимний свет на несколько секунд сливался с отблесками каминного огня и настенных ламп, и обстановка комнаты становилась продолжением вечернего пейзажа нашего тихого посёлка.

Невольно вспоминался вечер Самхейна, когда гостиня Маргарет была украшена оранжевым и чёрным, в вазах стояли не цветы, а листья клёна и упавшие на землю веточки с поздними ягодами. Светильники не горели вообще, зато из углов комнаты улыбались тыквы-рожицы, в их искусно вырезанных глазах танцевали живые огоньки пламени, а посреди ковра развалился огромный чёрный кот, похоже чувствовавший себя как дома (хотя это был единственный вечер, когда мы его здесь видели).

Его шерстинки, казалось, живут собственной жизнью, хаотично вставая дыбом, искрясь и потрескивая. Если же кот ещё и мурлыкал, казалось, что представляет он собой некое электрическое поле или, скорее, шаровую молнию, застывшую перед тем, как изменить траекторию. Никто из нас так и не решился его погладить, хотя он и выглядел (или старался выглядеть) миролюбивым и дружелюбно прищуривал фосфоресцирующие глаза, оглядывая нас.

Маргарет в тот вечер была как никогда оживлённой и разговорчивой. На ней были серые свободные брюки в крупную клетку и вязаный свитер тёплого кирпичного цвета. Волосы она заплела в две косы, ничем не закреплённые на концах, и если одна из них расплеталась больше чем наполовину, девушка снова сплетала её. При этом она нежно почёсывала ступнёй спину «трещащего» кота, который, вытягиваясь от удовольствия во всю длину, казался невообразимо большим – хотя у него каким-то образом и получалось занимать совсем немного места на полу.

– Это Кат Ши, – сказала Маргарет, в очередной раз сплетая распустившуюся косу. – Сегодня он мой гость.

При слове «гость» мы все невольно вздрогнули и отвели глаза от Маргарет и её искрящегося друга, потому что услышали стук в окно.

Стволы деревьев, растущих перед домом, чернели на фоне оранжевого кусочка неба, подсвеченного заходящим солнцем последнего осеннего дня. На одной из маленьких веточек, царапающих оконное стекло, сидел отчаянно цепляющийся за неё лапами и всё ещё размахивающий крыльями – для сохранения равновесия – ушастый совёнок, явно хотевший, чтобы его впустили в комнату, что мы с радостью и сделали (кто из нас не мечтал приручить сову?!).

Играя с умным птенцом, мы совсем забыли о Кат Ши, и тут он подал голос – в ответ Маргарет улыбнулась и легко кивнула ему. Кот потянулся на передних лапах, то ли распрямляя свою длинную спину, то ли кланяясь, его шерстинки громко затрещали,

а когда мы снова повернулись в его сторону, Кат Ши бесследно исчез.

В этот вечер, как и всегда, когда мы собирались здесь вместе, обстановка в гостиной была особенной, и то, что мы видели из окна комнаты, всегда перекликалось с тем, что находилось внутри.

Но самым странным в гостиной Маргарет было не это, и даже не то, что здесь никогда не работали наши телефоны и фотоаппараты. Мы уже давно перестали таскать их с собой, как и созваниваться перед встречей у Маргарет. Самым странным было то, что внутри камина всегда лежал маленький букетик искусно сделанных бумажных цветов, которого не касалось пламя.

Рассказывание историй (реальных или нет) было «основной темой» наших спонтанных вечеринок у камина. Но когда бы мы ни просили хозяйку дома поведать нам «секрет её маргариток», она, как всегда улыбаясь глазами, тихо отвечала: «Это слишком длинная история...»

Мы все были очарованы Маргарет (а не только Джейреми, влюбившийся в неё с первого взгляда). Её полудетские губы – как и немного раскосые, темно-зелёного цвета глаза – казалось, всегда немного улыбались.

Сегодня на девушке было светло-бежевое платье, без рукавов, с длинной, до пола, юбкой, на поясе украшенное широкой бирюзовой лентой, расшитой серебристым узором. Густые волосы – чуть темнее нежно-персиковой кожи – были подвязаны атласной лентой цвета высветленной бронзы.

Говорила Маргарет редко, но каждый из нас наслаждался звуками этого голоса: тихого, но звонкого, как серебристые колокольчики, как танец маленьких снежинок в лунном свете, как смех Сахарной Феи, как напев древнего волшебного народа, селившегося на высоких деревьях...

В этот вечер – как и всегда – девушка оставалась тихой и улыбчивой и старалась держаться поближе к камину, как будто её задумчивый взгляд, обращённый к огню, не давал тому угаснуть. Джейреми, не сводивший с Маргарет глаз, сейчас сидел совсем

близко к ней, она не отстранялась и смотрела ему в глаза прямо, с нежной улыбкой (всякий раз, когда он заговаривал с ней), но, как и в любой другой вечер, не позволяла его руке нечаянно соприкоснуться со своей.

Я рассеянно и умилённо наблюдал за ними, про себя гадая, сколько ещё пройдёт времени, прежде чем кудрявая голова Джейреми впустит в себя очевидную мысль: он и Маргарет совершенно не подходят друг другу. И о том, узнает ли когда-нибудь моя длинноногая и всегда немного бледная сестра (требовавшая, чтобы мы называли её не иначе как Тин-Тин), что он целый год отчаянно пытался обратить на себя её внимание, но сдался, решив, что она никогда уже не предпочтёт реальной жизни свой «непостижимый» внутренний мир.

Эти мысли, тепло комнаты, негромкие разговоры друзей и мерное потрескивание в недрах «волшебного» камина вишнёвых веточек заставили мои веки отяжелеть, а тело – блаженно обмякнуть, и я сам не заметил, как погрузился в сон.

Видимо, проспал я достаточно долго, потому что разбудила меня сильная ноющая – от неудобного положения – боль в спине. Наконец-то разлепив глаза и кое-как размяв ноги, я огляделся вокруг. Потирая виски, я пытался собрать воедино пазл памяти, вспомнить, как оказался внутри заброшенного старинного особняка спящим, привалившись к стене, сидящим на собственном полупустом рюкзаке.

Мало-помалу туман в голове рассеялся, и я вспомнил, как мы трое оказались здесь: за несколько дней пребывания на курорте нам наскучило катание на лыжах и посещение сауны, и Тин-Тин уговорила меня и Джейреми прогуляться по местной довольно живописной деревушке. Моя сестра, как всегда, горела желанием «найти что-нибудь странное и сфотографировать», поэтому бродили мы достаточно долго, и, когда нашли то, что искали, все изрядно вымотались, к тому же поднялся ветер.

Внутри старинного дома было на удивление тепло и сухо, и мы сидели возле одной из стен, обмениваясь впечатлениями

от длительной прогулки. Я не помнил, как уснул, но солнце ещё не село, значит, я спал недолго.

Перед тем как разбудить Тин-Тин и Джейреми, я решил кое-что проверить. Подойдя к старинному камину, я не удивился, почувствовав лёгкий запах только что сгоревшей бумаги, и меня не испугало то, что я увидел, смахнув перчаткой ещё тёплый пепел. Надпись, выточенная лёгким шрифтом с изящными засечками, гласила: «Thank you all for being with me». На долю секунды ко мне вернулось ощущение тепла, а уши уловили отголосок тонкого серебристого смеха.

Когда мы спускались на дорогу, я немного отстал, желая ещё раз оглядеть старинный дом снаружи. Джейреми держал Тин-Тин за руку, чтобы она не соскользнула вниз по склону, я жестом объяснил им, что отстану, и всю дорогу шёл чуть поодаль, догнав друзей только на подходе к лагерю.

Они все ещё держались за руки.

Снежинка Флоры

Маленькая Флора сидела за своим столом и рисовала. В последнее время она проводила вечера именно так: каникулы уже начались, дни были короткими и холодными – самое время для рисования.

Хотя, по правде сказать, занятие это Флоре нравилось больше всех остальных. Она любила сидеть и вглядываться в темноту за окном, согревая уставшие пальцы под светом настольной лампы, чтобы разглядеть в этой темноте что-то, видимое ей одной, и вновь вернуться к своим линиям и пятнам.

Рисунки Флоры были далеки от технического совершенства, но каждое цветное

пятно как будто говорило: «Я всегда было здесь, и, если ты будешь долго смотреть на меня, я оживу и стану частью твоего мира».

Но сегодня Флоре хотелось чего-то особенного. Она не знала, чего именно хочет: это было не похоже на всё, что она чувствовала когда-либо раньше.

Это было волнующее, смешанное чувство, парящее на грани между тайной, восторгом, смущением и откровением. И это чувство в пёстрой гамме своих ярких противоречий доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие.

Повинуясь внутреннему порыву, Флора взяла чистый лист, карандаши и несколько красок и стала быстрыми уверенными движениями наносить штрихи и линии, почти не видя, что получается, и не осознавая, где именно она находится.

Вдруг линии и пятна исчезли, точнее, сложились в единый образ, и Флора поняла, что работа окончена. Она не знала, сколько прошло времени: за окном было всё так же темно, только небо приобрело какой-то еле уловимый, но совсем новый оттенок и ветер стал тихим и мягким.

Флора ещё раз посмотрела на рисунок, затем, как бы провожая кого-то, с нежностью взглянула за окно.

Девочка-снежинка, подмигнув, помахала Флоре, слегка оттолкнулась от подоконника изящными ножками и взлетела, тонко позвякивая серебристыми юбками.

Флора подмигнула и помахала девочке и, украдкой бросив взгляд на белый лист бумаги на столе, погасила свет, а затем, улыбаясь, вышла из комнаты.

Из окна лился мягкий белый свет – выпал первый снег.

Страницы автора

elizavetaleshenkov.wixsite.com/singer-song-writer

vk.com/public121044397